

ИСЛАМ И КУЛЬТУРА

УДК 291.212 (470.67)

Р.И. Сефербеков

«Праздничные камни» и «Мечеть праздничной молитвы» – культовые сооружения табасаранцев*

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, отдел этнографии; ruslan-seferbekov@rambler.ru

Статья посвящена описанию культовых сооружений табасаранцев, известных под условными наименованиями «Праздничные камни» и «Мечеть праздничной молитвы». По характеру группирования и конструктивным особенностям их можно классифицировать на одиночные или групповые каменные плиты и постройки в виде прямоугольника. Как считает автор, эти памятники, функционировавшие вплоть до 1930-х гг., были в прошлом языческими святилищами, центрами культа богов-патронов союзов сельских обществ, астрономическими обсерваториями, местами проведения календарных обрядов, решения военных и хозяйственных вопросов, разрешения конфликтов. С принятием ислама святилища были преобразованы в так называемые «открытые мечети».

Ключевые слова: *табасаранцы, ислам, культовые сооружения, обряды, верования.*

The article describes the religious buildings Tabasarans known under the code names «Holiday stones» and «Mosque Eid prayer». By the nature of the grouping and design features can be classified into single or group of stone slabs and built in the shape of a rectangle. The author believes that these monuments, functioned until the 1930 years, were last pagan shrines, centers of worship gods cartridges unions of rural societies, astronomical observatories, places of worship calendar ceremonies, military and economic decision. With the adoption of Islamic shrines were converted into so-called «open mosque».

Keywords: *Tabasarans, Islam, places of worship, rituals, beliefs.*

Говоря о смене одной религии (политеизма язычества) другой (монотеизма ислама), следует учитывать, что это был не единовременный акт. По Л.И. Лаврову, процесс исламизации Дагестана растянулся примерно на тысячелетие, начиная с середины VII в. [20, с. 404]. Как считает А.Р. Шихсаидов, в Дагестане «примерно девять веков потребовалось на то, чтобы местные религиозные представления заменить монотеистической религией – исламом» [34, с. 4]. По его мнению, «территориально процесс исламизации охватывал Дагестан с юго-востока на северо-запад, причем ислам утверждался, как правило, сначала в феодальных владениях и лишь затем проникает в широко представленные здесь союзы сельских обществ» [35, с. 9].

К.М. Ханбабаев делил историю распространения ислама среди дагестанских народов на несколько условных этапов. «На первом этапе (середина VII – середина X в.) арабские вооруженные отряды насильно обратили в ислам лезгин, табасаранцев, рутульцев и цахуров. На втором этапе (конец X–XII в.) во многом благодаря местным мусульманским миссионерам ислам приняли агулы и лакцы. На третьем этапе (конец XIV–XV вв.) ислам распространился среди арчинцев, кубачинцев, кайтагов, даргинцев, ногайцев, кумыков и аварцев. На четвертом этапе (XIV–XVI в.) мусульманами стали андо-цезские народы и чеченцы-аккинцы» [28, с. 96].

Согласно периодизации А.Р. Шихсаидова, процесс исламизации Табасарана представлялся в следующем виде: 1) с древнейших времен до начала VIII в. – господство язычества; 2) начало VIII – середина X в. – начальный этап исламизации. К концу этого этапа правящая верхушка принимает новую религию, а основная масса населения оста-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00079.

ется язычниками [38, с. 143]; 3) середина X–XIV в. – период окончательного утверждения ислама в Табасаране при значительном сохранении внешне исламизированных местных культов [31, с. 162].

Таким образом, как это видно, исламизация табасаранцев может быть отнесена к ранним этапам этого процесса. Все же, несмотря на многовековое исповедание табасаранцами мусульманской религии, реликты прежних домонотеистических верований можно обнаружить в материальной и духовной культуре этого народа. К таковым, на наш взгляд, можно отнести типологически и генетически однородные культовые сооружения, расположенные в окрестностях ряда табасаранских селений и называемые местными жителями «Праздничные камни» («Машкврин гъванар») и «Мечеть праздничной молитвы» («Машкврин гъулгнин мист»).

Как известно, культовые сооружения – это постройки, специально возводимые для богослужений и различных религиозных обрядов [21, с. 76]. По словам старожилов, в прошлом два раза в году в дни мусульманских праздников – «Аьхуь машквар» (букв. «Большой праздник», т. е. Ураза-Байрам) и «Бици машквар» (букв. «Малый праздник», т. е. Курбан-Байрам) – в утренние часы у этих культовых сооружений мужское население прежних союзов сельских обществ совершало коллективные моления с раздачей милостыни «садакья». Моления проводились вплоть до 1930-х гг., когда они были запрещены властями в связи с антирелигиозной кампанией. Рассмотрим некоторые из исследованных нами культовых сооружений.

1. В двух километрах к западу от с. Тураг Табасаранского района Дагестана, на вершине горы, вблизи руин и кладбища средневекового поселения «Инжларин гъул» находится одиночный «Праздничный камень» («Машкврин гъван»). Его высота 2 м, ширина – 92 см, толщина – 20 см. Верхняя часть памятника несколько закруглена. Лицевая (северная) сторона заросла мхом. Под ним просматривается и прощупывается изображение ромба, внутри которого – крест. По левому периметру лицевой стороны сохранилась надпись арабским шрифтом – формула единобожия.

«Праздничный камень» до недавнего времени использовался жителями с. Тураг как солнечный ориентир («ригъдин лишан»), по которому определяли наступление дня весеннего равноденствия, в который отмечали праздник «Эбелцан». Старожилы также помнят, что в прошлом у камня проводились и метеорологические обряды.

Рис. 1. Святилище «Ахлихъ»

Вблизи памятника находятся руины поселения «Инжларин гъул». Местная легенда гласит, что жители его могли выставлять на скачки «40 белых и 40 пестрых коней». На кладбище поселения сохранилось около 40 надмогильных памятников, среди которых несколько стел антропоморфные. На многих памятниках имеются арабские надписи и солярные знаки.

Исследователь дагестанских древних солнечно-лунных календарей М.И. Исрапилов считал «Праздничный камень» менгиром древней обсерватории, возраст которой он оценивал 1,5 тыс. лет до н. э. [16, с. 280–281].

2. В 0,5 км к северо-западу от с. Атрик Хивского района и в 30 м от кладбища разрушенного средневекового поселения «Пажарин гъул», на краю высокой скалы, кото-

рой заканчивается плоскогорье, находится культовое сооружение «Ахлихъ» («У жернова») (см. рис. 1).

Оно представляет собой тщательно обработанную каменную глыбу прямоугольной формы с закругленным верхом. Судя по внешнему облику, она явно не местного происхождения, а привезена сюда из других мест. Закругленная верхняя часть придает памятнику форму жернова («ахал»), что отразилось в его наименовании. Ориентирован он тыльной стороной на юг, а лицевой стороной, украшенной оригинальной символикой, – на север. На лицевой стороне памятника изображен ромб, соединяющийся с розеткой. Композицию по всему периметру обрамляет орнамент в виде «плетенки». Памятник имеет высоту 1,6 м при ширине 1,3 м и толщине 25 см. Справа от него, являясь как бы его продолжением, врыты в землю еще несколько грубо обработанных каменных плит. Памятник хорошо сохранился и лишь немного накренился лицевой стороной к земле под углом 40° .

3. В 1 км к востоку от с. Хурсатиль Хивского района, на территории разрушенного поселения «Хьучларин гьул» (датируемого А.Р. Шихсаидовым по надписям на могильных стелах приблизительно XVI–XVII вв.), на пологом горном склоне расположена «Мечеть праздничной молитвы». Памятник представляет собой две врытые в землю каменные плиты, одна из которой прямоугольной (высота – 1 м, ширина – 2 м, толщина – 17 см), а вторая – почти квадратной (высота – 1 м, ширина – 1,2 м, толщина – 15 см) формы. Ориентированы плиты по линии юг – север (лицевая сторона обращена на север). На них имеются какие-то знаки, но разобрать их невозможно, так как плиты вросли в землю и накренились лицевой стороной вниз.

По словам местных жителей, до 1930-х годов у этих плит жители с. Атрик и с. Хурсатиль устраивали коллективные моления с раздачей садака в дни Ураза-Байрама. В дни Курбан-Байрама такие моления проводились у культового сооружения «Ахлихъ», расположенного у с. Атрик. Старожилы рассказывали, что в прошлом у обоих культовых сооружений проводились коллективные моления жителей 7 селений союза сельских обществ «Чиilihъ» («Аьхи Чиilihъ», «Хьучларин гьул», «Пажарин гьул», «Хиарин гьул» и др.). До нашего времени дошли только два селения этого общества – Атрик и Хурсатиль, а остальные, со слов местных жителей, погибли вследствие болезней и нашествия иноземных врагов.

4. В 2 км к северо-западу от с. Ничрас Табасаранского района, справа от дороги Ничрас – Хучни, на холме, в местности «Стичларин кьул» находятся «Праздничные камни». Они представляют собой вкопанные в землю на краю вершины холма три каменные плиты и *минбар*. Высота первой плиты (слева) 1,2 м, ширина – 1 м, толщина – 22 см. В верхней части лицевой стороны плиты изображены солярные знаки: большой концентрический круг, а над ним 4 маленькие свастики и розетки. Вторая плита (в центре) высотой 1,2 м, шириной 1 м и толщиной 25 см имеет несколько закругленный верх, в торце которого имеется выемка для «садакья». На лицевой стороне этой плиты имеется надпись арабским шрифтом. Лицевая сторона по периметру украшена геометрическим орнаментом. Сверху, над надписью, изображены пять розеток. Высота третьей плиты (справа) – 90 см, ширина – 80 см, толщина – 20 см. Ее лицевая поверхность украшена геометрическим орнаментом. К нему непосредственно примыкает трехступенчатый каменный *минбар*, поверхность которого также украшена орнаментом. Высота его составляет 50 см, ширина – 30 см, толщина – 22 см.

Как сообщают местные жители, до 1930-х гг. у «Праздничных камней» в дни мусульманских религиозных праздников устраивались коллективные моления мужского населения с. Куярик, Ничрас, Тураг и др. селений союза сельских обществ «НитИрихъ».

Вплоть до нашего времени «Праздничные камни» используются жителями с. Ничрас и с. Тураг в обрядах вызывания дождя и солнца. Для вызывания дождя пожилые женщины красят камни темной известью («кIару руг») или синеватой глиной («жвюб»), а при затяжных дождях – белой известью («мяхв»).

При совершении обряда произносятся молитвы и заклинания. Здесь же оставляются дары – продукты. Дважды в момент нашего посещения «Праздничных камней» – в июле 1997 г. и мае 1999 г. – они были выкрашены белой известью. В июле 1994 г., по словам местных жителей, камни обмазывались синеватой глиной.

М.И. Исрапилов считает «Праздничные камни» близ с. Ничрас древней солнечно-лунной обсерваторией. По его мнению, данный памятник – «типичные древние солнечные и лунные часы-календарь – почти аналог «Стоунхендж-1» с «алтарем» в центре». «Эта обсерватория включала в свой состав и солнечные часы, которые уникальны не только для Табасарана, но и для Дагестана». Период функционирования этого календаря исчисляется временем от 6 до 1,5 тыс. лет до н. э., характеризующимся «максимальной интенсификацией земледелия на планете» [16, с. 271–272, 277].

5. В трех километрах к югу от с. Межгюль Хивского района, у подножья заросшего лесом горного хребта, на высоком холме, господствующем над местностью, примерно на высоте 1500 м над уровнем моря, расположено культовое сооружение «Машкврин гъванар» (см. рис. 2).

Рис. 2. Культовое сооружение «Машкврин гъванар»

Памятник представлен 18 стоячими и 8 лежащими камнями. Стоячие камни врыты в землю на одной линии на протяжении 17 метров. Каменные плиты имеют квадратную, прямоугольную и трапециевидную формы и высоту до 1 м, ширину до 1,5 м и толщину 10–15 см. Лицевая сторона всех плит ориентирована на север. На трех плитах (две лежат на земле лицевой стороной) имеется арабская надпись почерком *куфи*, обозначающая формулу единобожия (см. рис. 3).

В 200 м к северу от холма одиночно расположен антропоморфный памятник высотой 1,1 м. Композиционно этот памятник является компонентом «Праздничных камней». Он имеет ступенчатую форму. На его вершине расположено эллипсовидное углубление. Как считает М.И. Исрапилов, он является менгиром, служившим фиксатором дней равноденствий и некоторых сезонов сельскохозяйственных работ в году [16, с. 282–283].

Помимо «Праздничных камней» и антропоморфного памятника в этой местности имеются и другие объекты

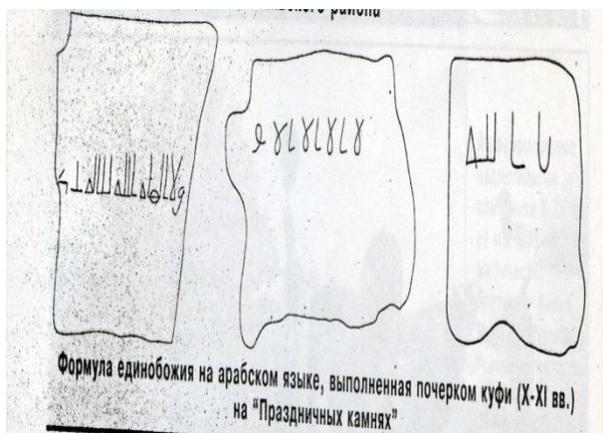

Рис. 3. Арабская надпись почерком *куфи*, обозначающая формулу единобожия

культы: в 2 км к северу – семь почитаемых местными жителями священных дубов, а также руины средневекового поселения «Чуру гьул» и заброшенное кладбище. Говорят, что в прошлом здесь располагались армянские и еврейские селения. С этой местностью связан миф, который повествует, как в далеком прошлом, в день какого-то языческого праздника, жители аула Межгюль узнали, что на них и на селения их соседей собираются выпасть с небес змеи. Для того чтобы предотвратить это бедствие и умиловать змей, жители 7 окрестных селений приготовили для них угощение – ритуальную мучную халву «аварша», но без соли и сахара. Ее выставили на медных подносах на высоком холме, в местности, где расположены «Праздничные камни». Змеи, отведав халву, будто бы не тронули жителей этих селений, а повернули на другие места.

По словам старожил, до 1930-х гг. у «Праздничных камней» в дни мусульманских религиозных праздников устраивались коллективные моления, в которых принимали участие мужчины бывшего союза сельских обществ «НитГрихь». В последующие годы в связи с запретом властей моления не проводились. Место это до сих пор табуировано: нельзя трогать плиты, косить здесь траву и пасти скот.

По мнению М.И. Исрапилова, на этом месте находилась древняя солнечно-лунная обсерватория, созданная в конце того периода, когда северный палеополус Земли находился вблизи современных координат. Она функционировала в хронологических рамках VII–II тыс. лет до н. э. [16, с. 282–283, 288].

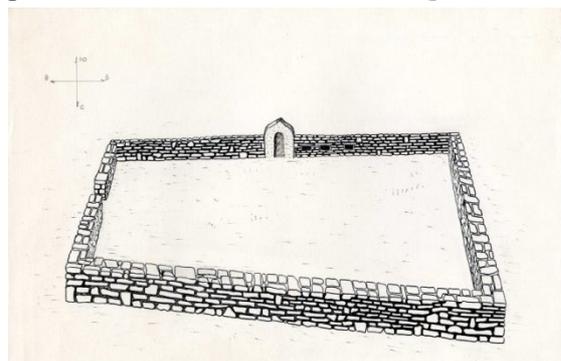

Рис. 4. Культовое сооружение «Гьулгнин хул»

6. Между селениями Кужник и Шиле Табасаранского района расположено культовое сооружение «Гьулгнин хул» («Молитвенный дом») (см. рис. 4). Оно представляет собой прямоугольное сооружение со сторонами 40×8 м, каменные стены которого сложены всухую. Высота стен в разных местах от 80 см до 1 м, при толщине 50 см.

В кладке стен имеются ниши, куда, как говорят, клали жертвоприношения. В центре южной стороны в кладке находится вкопанная в землю каменная плита с остроконечным верхом. До 1936 г. в утренние часы

мужчины сс. Кужник, Улуз, Шиле, Хараг, Урсиг (бывшего союза сельских обществ «Хирагь») сперва отправлялись на кладбища своих селений, где на могилах предков читали «Ясин» и «Кьулгь», а затем с «садакья» шли в «Гьулгнин хул». Здесь вначале читали молитву «Зугьяйин суннат», а затем – «Машкврин суннат». С проповедью «хутБа» к молящимся обращался мулла Мазагай из с. Кужник. Молящиеся мужчины сидели, повернувшись лицом к *кибле*. Здесь же совершали «зикр», а затем раздавали «садакья» и к полудню расходились по домам. В последующие годы коллективные моления в «Молитвенном доме» были запрещены властями.

7. Вблизи с. Сертиль Табасаранского района, на краю пологой горной вершины, в местности «Сенгриин» находится «Молитвенный дом» жителей селений Кувлиг, Сертиль, Гули, входивших в прошлом в союзы сельских обществ «Кухуриккар» и «Хиргь-ар» (см. рис. 5).

Памятник представляет собой строение прямоугольной формы со сторонами 13×17 м, каменные стены которого сложены всухую. Высота стен – 50 см, толщина в разных местах колеблется от 40 до 50 см. В кладку южной стороны строения вкопана большая каменная плита с закругленным верхом. Высота стелы – 2,3 м, ширина – 1,45 м, толщина – 25 см. На лицевой стороне каменной плиты вырезано условно антропоморфное изображение. По бокам плиты вкопаны в землю два каменных блока высотой 60 см при ширине 18 см и толщине 20 см. На них имеются надписи арабским шрифтом. Сохранность культового строения хорошая, но внутри оно заросло деревьями лещины, ивы и дикой вишни. По словам местных жителей, до 1930-х гг. во время праздника Ураза-Байрам здесь совершались коллективные моления с раздачей «садакья». В день праздника верующие совершали утренний намаз в своих селениях, а для полуденного намаза собирались здесь, где к молящимся мужчинам с проповедями обращались муллы Тагир и Халибек из с. Кувлиг.

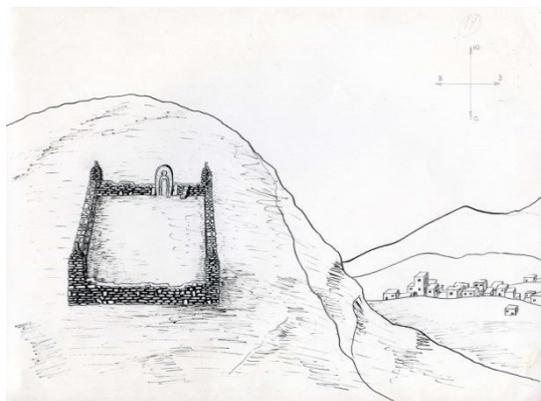

Рис. 5. «Молитвенный дом» жителей селений Кувлиг, Сертиль, Гули

го района Дагестана в местности «ЧехтГил», на краю плоскогорья, заканчивающегося обрывом, расположено культовое сооружение «Мечеть праздничной молитвы» (см. рис. 6).

Известный историк М.Р. Гасанов в 1966 г. писал об этом сооружении следующее: «Около с. Вертиль есть мечеть в местности «ЧехтГил», куда собирались жители 12 аулов на праздничную молитву.

Это место было языческим святилищем, затем по традиции стало культовым местом мусульманской религии» [8, л. 84].

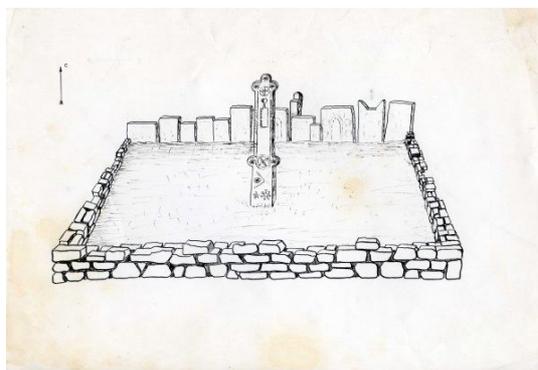

Рис. 6. «Мечеть праздничной молитвы»

Упомянул его и востоковед А.К. Аликберов. Он пишет: «Открытые мечети получили в некоторых районах Кавказа широкое распространение; местное население называло их летними или праздничными. Следы летних мечетей до сих пор сохранились в горах Дагестана на территории заброшенных поселений. Зимой 1985 г. я обследовал летнюю мечеть неподалеку от заброшенного поселения Вертиль на границе Хивского и Табасаранского районов Дагестана рядом с поселением

Урга. Вертильская открытая мечеть представляет собой круглоплановую площадку на вершине холма, огороженную прямоугольными стелами, установленными строго по периметру круга. Общая площадь огражденного участка – 80–100 кв. м» [3, с. 481].

Следует отметить, что в описании А.К. Аликберова имеются некоторые неточности: культовое сооружение «ЧехтГил», как и другие подобного рода сооружения в Табасаране, не является круглоплановым, а имеет прямоугольную форму. На это, в частности, указывают изучившие этот объект в 1966 г. П.М. Дебиров [13, с. 231] и в наши дни – З.Ш. Закарияев [15, с. 332–333]. Не называется оно и «летней мечетью». Как во времена язычества, так и после принятия ислама моления у этого культового сооруже-

ния проходили два раза в год по солнечному и лунному календарю. Следовательно, моления могли проходить не только летом, но и в любой сезон года. Однако никто не называет это сооружение «весенней», «осенней» и «зимней мечетью». Поселение Вертиль никогда не забрасывалось. Этот населенный пункт благополучно функционирует по настоящее время. Например, оно фигурирует в статистическом справочнике по административно-территориальному делению республики, датированном 1980 годом [11, с. 126].

Памятник в момент его изучения нами в 1990 г. представлял собой строение в виде прямоугольника со сторонами 12×24 м. Три стороны прямоугольника представляли собой каменные стены, сложенные всухую из больших речных булыжников, каменных плит и блоков. Толщина стен достигала в некоторых местах до 50 см, а высота – от 50 см до 1 м. Кладка стен в некоторых местах развалилась. Четвертая сторона строения состояла из 16 поставленных на одной линии в ряд каменных плит, напоминающие по форме надмогильные. В центре этих плит находился каменный ступенчатый *минбар*. На 10 плитах не имеется никаких изображений, а остальные украшены солярными знаками, орнаментальными сюжетами «древо жизни», «рога», «плетенка». На одной из стел нанесены две арабские буквы почерком *куфи*, а на другой имеется надпись почерком *насх*. Одна из плит упала на землю и лежит лицевой стороной вверх. Она имеет условно антропоморфную форму – овальная «голова», «плечи» под резким углом (левое – повреждено), «рук» нет. Подобные антропоморфные памятники (но с «руками») встречаются в соседних с аулом Вертиль селениях – Урга, Кувиг, Джули. Поверхность их также богато орнаментирована солярными знаками (свастики, концентрические круги, кресты и т. п.) и «плетенкой» [23, с. 19–21, 23–24, 46, 67].

Как уже указывалось, «мечеть» имеет прямоугольную форму. Прямо по ее центру расположен четырехгранный, антропоморфный («голова», «плечи», «руки») каменный столб высотой около 3 м. Поверхность его украшена солярными знаками (свастики, круги, розетки, кресты) и «плетенкой». В районе «плеч» на всех четырех сторонах столба изображены антропоморфные поля, внутри которых имелись надписи. Плохо различимая надпись почерком *насх* сохранилась на северо-западной стороне столба. Изучением эпиграфических надписей в «открытой мечети» занимался З.Ш. Закарияев [15, с. 332–342].

Описываемый памятник являлся культовым сооружением союза сельских обществ «Сувак» («Сугьккар»), в который входили селения Вертиль, Фурдаг, Кулик, Урга, Яраг, Ляхля, Уртиль, Кувиг, Гарик, Джули. Возможно, что в прошлом селений в союзе было гораздо больше, так как в окрестностях каждого из упомянутых аулов находятся руины других средневековых поселений.

Как рассказывают старожилы, на месте, где ныне расположена «мечеть», раньше располагались два поселения – «ЧехтИл» и «Чилларин гьул» (возможно, произносимое по-разному название одного и того же поселения). Коллективные моления здесь проходили до 1933 г. Скот у «мечети» на «садакья» после молений не забивали: все заготавливалось заранее, а продукты, предназначенные для раздачи в качестве милостыни, везли сюда на саях-волокушах. Во время молений преимущественным правом первыми войти вовнутрь культового сооружения пользовались жители с. Кулик, будто бы построившие его. Сохранились имена последних служителей культа, восседавших на *минбаре* и начинавших молебны с проповеди «хутIба», – Насур Курбанов из с. Кувиг и Гаджикерим из с. Урга. Молящиеся мужчины располагались как внутри постройки, так и за ее оградой. Здесь же у «мечети» разрешались внутрисельские и межсельские конфликты, и заключалось примирение («маслаабт»).

Недалеко от «мечети», в местности «Мягграмдикк кӀул» находится скала, под которую местные жители во время проведения обряда вызывания солнца кладут так называемые «дощечки, предотвращающие град» («миркклин кьулар»).

Ряд исследователей – П.М. Дебиров [12, с. 53–54], М.Р. Гасанов [7, л. 2; 8, л. 84], А.О. Булатов [6, с. 214–216], Б.М. Алимова [4, с. 231] – считают это культовое сооружение прежним языческим святилищем. Однако может возникнуть вопрос: почему на языческом святилище имеются арабские надписи? Как мы полагаем, эти надписи могли появиться позже, с принятием новой религии. Такие трансформации с культовыми сооружениями прежних религий зафиксированы дагестанскими [9, с. 166; 18, с. 123–128] и вайнахскими [2, с. 15–44] исследователями.

Как уже отмечалось, описываемый памятник являлся культовым сооружением жителей союза сельских обществ «Сувак». Известно, что во времена язычества имелись как боги-патроны союзов сельских обществ, так и патроны отдельных селений, боги, общие для федерации союзов сельских обществ и для всего этноса. Нам не удалось выяснить, было ли данное святилище посвящено какому-либо языческому божеству, что вполне объясняется более чем тысячелетней традицией исповедания табасаранцами ислама, который отрицательно относится к домонотеистическим верованиям. Вероятно, такой бог-патрон в прошлом существовал, а каменный четырехгранный антропоморфный столб был его олицетворением. Считаем уместным в этой связи привести слова В.Н. Баилова, который писал, что «наиболее отчетливо связь почитания святых с прежними религиями проступает в тех случаях, когда мусульманская святыня находится на месте известного языческого капища» [5, с. 9].

Мы уже указывали, что моления в «Мечети праздничной молитвы» происходили два раза в году: в дни мусульманских религиозных праздников Ураза-Байрам и Курбан-байрам, отмечаемых по лунному календарю. Вероятно, и до принятия ислама такие моления проводились два раза в год, но только в дни равноденствий или солнцестояний, ибо, по определению С.А. Токарева, с этими фиксированными календарными точками года связаны основные народные аграрные праздники и приуроченные к ним обычаи и обряды [26, с. 62].

Как отмечал Г.Ф. Чурсин, для земледельческих народов наиболее значимыми моментами хозяйственной жизни являются начало весенних полевых и сбор урожая. С этими моментами и связываются обычно их главные годовые праздники: праздник начала полевых работ и праздник жатвы или сбора урожая [29, с. 43]. Исходя из приведенной аналогии, можно предположить, что до принятия ислама моления у описываемого культового сооружения происходили в день весеннего и осеннего равноденствия.

М.И. Исрапилов называл «Мечеть праздничной молитвы» в местности «ЧехтӀил» «Табасаранским Стоунхенджем», древней лунно-солнечной обсерваторией, возникшей, по его датировке в хронологических рамках 12,5–13 тыс. лет до н. э. [16, с. 253–271]. Однако эта дата расходится с принятой в дагестанской исторической науке датировкой эпох древней истории, так как на этот период (верхний палеолит) приходится заключительный этап последнего (вюрмского) оледенения [17, с. 16].

Следует отметить, что «Мечеть праздничной молитвы» в местности «ЧехтӀил» вблизи с. Вертиль является наиболее законченным, совершенным в композиционном, архитектурном и орнаментальном плане культовым сооружением. Насколько нам известно, оно не имеет аналогов в Дагестане. Люди, построившие этот храм под открытым небом, вероятно, считали его «микрокосмом», «духовным центром мира», «местом пребывания божества на земле», «местом встречи трех миров», а имеющий фаллическую семантику центральный столб – одновременно axis mundi и Космическим Древом

[19, с. 126, 353]. Впрочем, в прошлом он мог быть и тотемным столбом, изображать божество-патрон, дух или силу природы [19, с. 331].

9. По словам старожил, «открытая мечеть» имела и в с. Хив. Она располагалась вблизи сохранившихся до нашего времени так называемых «тухумных камней» и средневекового круглопланового минарета, датируемого не позже XIII в. [33, с. 24]. К сожалению, в советское и постсоветское время территория памятника была застроена объектами торговли и общественного питания. При этом многие «тухумные камни» были повреждены и утеряны. Как рассказывают, в прошлом на этом месте старейшины бывшего союза сельских обществ «Дирчва», восседая каждый на своем «тухумном камне», вершили суд над провинившимися, а исполнение приговора приводили на вершине горы «Валак-гъарз», расположенной у с. Хоредж. Аналогичное предание сохранилось и в соседнем с. Кандик, в котором старейшины будто бы чинили суд и расправу над виновными на вершине, возвышающейся над селом горы, у подножья которой сохранились руины и кладбище средневекового поселения «Къулхъарин гъул», а также священные деревья. На самом краю вершины этой горы находятся беспорядочно разбросанные массивные прямоугольные каменные блоки.

Следует отметить, что аналогичные описанным нами культовые сооружения изучены и другими исследователями традиционной культуры табасаранцев. Так, М.Р. Гасанов указывает на имеющееся святое место («пир») в с. Халаг – «Къулгнин хал» («Молитвенный дом») [7, л. 2]. Краеведом Рашидом Азизовым также зафиксирован ряд подобных объектов в других селениях Табасарана: «открытая мечеть» «Машкврин» («Праздничная») в с. Пилиг (союз сельских обществ (магал) «Жварнар»), «открытая мечеть» «Кюшкъярин пирар» в с. Гарик (магал «Къухурикар»), «молитвенный дом» «Гъаргъуниин» в с. Гасик (магал «Къухурикар»), «молитвенное место» «Гъудгнин йишв» в с. Кувлиг (магал «Къухурикар»), «молитвенный дом» «Къулгнин хал» в с. Сертиль (магал «Къухурикар»), «место молитвы» «Эвляяд» в с. Халаг (магал «Къухурикар»), «молитвенный дом» «Гъудгнин хал» в с. Кулиф (магал «Чиркълулар»), «праздничный камень» «Машквран гъван» в с. Бурганкент (магал «Этегар»), «праздничный дом» «Машквран» в с. Вечрик (магал «Эчлендар»), «у праздничного дома» «Машккуран хлахъ» в с. Жахтиль (магал «Эчлендар») [1].

Как это видно, культовые сооружения табасаранцев носили различные наименования – «праздничный камень» («машкврин гъван»), «праздничные камни» («машкврин гъванар»), «молитвенное место» («гъудгнин йишв»), «молитвенный дом» («гъулгнин хал/хул»), «праздничный дом» («машквран хал»), «мечеть праздничной молитвы» («машкврин гъулгнин мист»).

Таким образом, исходя из приведенного материала культовые сооружения табасаранцев по характеру группирования и конструктивным особенностям можно классифицировать на одиночные или групповые каменные плиты и постройки в виде прямоугольника. К одиночным «праздничным камням» можно отнести памятники в с. Тураг, Атрик и Ничрас, к групповым – «праздничные камни» в с. Хурсатиль и Межгюль, к постройкам в форме прямоугольника – «мечети праздничной молитвы» и «молитвенные дома» в с. Кужник, Сертиль и Вертиль. Если исходить из правила, что архитектурные (в т. ч. и культовые) сооружения эволюционируют от простого к сложному, то можно предложить, что развитие табасаранских памятников происходило следующим образом: одиночный камень – группа камней – прямоугольное каменное сооружение.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что верх некоторых изучаемых каменных стел (с. Тураг, Атрик, Ничрас, Сертиль) закруглен и как бы отдаленно напоминает форму жернова («ахал»). Этим же словом табасаранцы обозначают и каменные

точильные круги, которые применялись табасаранскими кузнецами для затачивания орудий труда и оружия. Это сходство по форме с жерновом и точильным кругом дало основание местному населению называть культовое сооружение в с. Атрик «Ахлихъ», то есть «У жернова». Следует отметить, что только у табасаранцев вплоть до 1990-х гг. в похоронных ритуалах зафиксирован обычай устанавливать в качестве надмогильного памятника кузнецу точильный круг «ахал», что, возможно, является реминисценцией былого обычая класть орудия труда в виде погребального инвентаря с усопшим в могилу. Три таких надмогильных памятника «ахал» (диаметром 1,2; 1,5; 1,6 м), врытые по отверстию в середине на могилах кузнецов, находятся под священным ясенем на кладбище, примыкающем к культовому сооружению «ЧехтГил» близ с. Вертиль [23, с. 21].

Как мы уже указывали, все памятники ориентированы по направлению юг – север, что, вероятно, свидетельствует о том, что в религиозных верованиях табасаранцев большое значение имел культ солнца. Это подтверждается и наличием обильной солярной символики на памятниках материальной и духовной культуры этого народа.

Примечательны не имеющие аналогов трехметровый антропоморфный столб в центре культового сооружения в местности «ЧехтГил», а также условно антропоморфное изображение на памятнике, расположенном вблизи с. Сертиль. Известно, что ислам не поощряет изображения человека и других живых существ, и данные объемное и плоскостное изображения можно объяснить лишь особенностями религиозного восприятия божества местным населением вскоре после принятия ислама. Объясняя этот феномен у населения Средней Азии, Г.П. Снесарев писал: «Бог Корана был непонятен. Верующий мусульманин, прочитав Коран с первой суры до последней, не мог реально ощутить этот образ, особенно на ранних этапах исламизации, когда новообращенный еще не отвык зримо представлять свое божество» [25, с. 32]. На наш взгляд, антропоморфный столб в «мечети праздничной молитвы» у с. Вертиль и антропоморфное изображение на каменной плите в «молитвенном доме» у с. Сертиль можно отнести к зримым объемным и плоскостным изображениям божества на ранних этапах исламизации табасаранцев.

При описании культовых сооружений в с. Вертиль и Ничрас мы указывали, что они включали в себя также каменные ступенчатые *минбары*. Такую же форму имел и антропоморфный памятник (менгир), являвшийся компонентом «Праздничных камней» в с. Межгюль. Как отмечают информаторы, на этих *минбарах* восседали предстоятели (имамы) во время коллективных молитв и обращений с проповедями. По своей форме они напоминают каменную лестницу. На наш взгляд, строители культовых сооружений не случайно придавали *минбарам* форму лестницы. В мифопоэтической традиции она имеет глубокую символику и является образом связи *верха* и *низа*, разных космических зон, коммуникации между мирами богов, людей и умерших [27, с. 50]. Соответственно, лестница имеет значение мировой оси, что, в свою очередь, связывает ее с Космическим Древом и столбом. Кроме того, лестница олицетворяет доступ к «реальности», абсолюту, к трансцендентному, переходя от «нереального» к реальному, от тьмы к свету, от смерти к бессмертию [19, с. 179].

Анализ культовых сооружений табасаранцев привел нас к выводу, что для них был характерен ряд общих черт и закономерностей: 1) эти памятники имелись практически в каждом союзе сельских обществ Табасарана; мало того, в некоторых союзах они были едва ли в каждом селении или в группе сел (например, магал «Къухурикар»); 2) все памятники расположены в урочищах – на возвышенностях, вершинах гор, краях плоскогорий, заканчивающихся обрывами; 3) ориентированы все культовые сооружения в направлении: юг (тыльная сторона памятников) – север (лицевая сторона); 4) памятники

декорированы солярной и другой геометрической символикой, а на некоторых из них после принятия ислама были нанесены надписи арабским шрифтом почерками *куфи* и *наسخ*; 5) большинство памятников расположено вблизи средневековых разрушенных поселений и заброшенных мусульманских кладбищ; 6) у памятников проводились и до сих пор проводятся обряды по вызыванию дождя и солнца и другие ритуалы.

Сохранившиеся мифы, легенды и предания, расположение памятников, их ориентированность, группирование, конструктивные особенности, символика позволяют сделать вывод, что сохранившиеся до нашего времени культовые сооружения табасаранцев были в прошлом языческими святилищами, центрами культа богов-патронов отдельных селений, групп сел и союзов сельских обществ, астрономическими обсерваториями, местами общесельских и межсельских сборищ, проведения календарных обрядов, решения судебных, военных и хозяйственных вопросов, разрешения конфликтов. В прошлом, в дни равноденствий и солнцестояний под руководством жреца на вполне понятном местному населению языке здесь проводились коллективные моления богам, которым приносились жертвоприношения.

С принятием ислама прежние языческие культы были преданы забвению, а наиболее живучие и устойчивые из них подчинены и использованы в целях мусульманского религиозного культа. Святилища были преобразованы в «открытые мечети». Прежнего жреца заменил мулла, а языческих богов – *Аллах*, которому адресовались молитвы на арабском языке и приносились жертвоприношения в виде милостыни «садакья». Моления также стали проходить два раза в год, но только в дни главных мусульманских религиозных праздников.

Насколько нам известно, сохранившиеся у табасаранцев культовые сооружения не имеют аналогов в Дагестане. Однако на Северном Кавказе они бытовали, например, у относительно поздно принявших ислам вайнахов. Так, Б. Далгат сообщает о святилищах чеченцев и ингушей, об их храмах, в том числе и без крыши, на возвышенных местах, где они молились и собирали общенародные сборы, в некоторых из них имелись идолы [10, с. 94–113]. Он же указывал, что у ингушей Хамхинского общества встречаются на возвышенных местах, близ кладбищ, четырехугольные каменные столбы [10, с. 91]. По свидетельству Н. Яковлева, у ингушей, еще в 20-х гг. XX в. «каждое селение имело свой приходский храм, посвященный главному богу «деале» или одному из мелких божков, в честь которых справлялись праздники. Во дворах почитаемых храмов часто творился и суд, чтобы придать ему большую обязанность и силу» [36, с. 80]. По описанию Л. Семенова, в ингушском селении Фуртоуг также находился столпообразный памятник, который был высечен из серого камня. На памятнике ясно были обозначены голова, плечи и верхняя часть рук. Сверху памятник был закруглен, а ниже плеч переходил в четырехгранный столб. Высота его равнялась 2,07 м, ширина у основания – 0,42 см спереди и 0,40 см сбоку [22, с. 12].

Как видно из этого описания, антропоморфный ингушский памятник из с. Фуртоуг в деталях совпадает с табасаранским памятником из с. Вертиль. Вообще считается, что «разнообразные антропоморфные изображения отражают представления о необходимости поддержания связи с предками, гарантами продления рода. Эта связь осуществлялась путем перенесения образа предка на рукотворное изображение – его заместителя» [14, с. 273].

Совпадали не только формы памятников, но и сроки проведения праздников. Празднества ингушей также совершались два раза в год – перед пахотой и покосом. О подробностях такого праздника сообщает Л. Семенов: «Праздник проходил в 1927 г. Он был приурочен к началу покоса. В нем участвовало мужское население нескольких

ингушских селений. Праздник проходил на вершине горы. Вначале происходило моление стариков во главе с муллою. Затем участники праздника угощались лепешками и пирогами с сыром. Расходясь по домам, мужчины уносили мясо зарезанного там быка» [22, с. 29–30].

Эту информацию о культовых сооружениях и обрядах вайнахов подтверждает и Е.И. Шиллинг. Отмечая сохранность доисламских верований в традиционной духовной культуре ингушей и чеченцев в первые десятилетия советской власти, он сообщает об общественных молениях «под открытым небом на урочищах или на окраине аула, в которых теперь непременно принимает участие мулла, но которые являются несомненным остатком прежних мольбищ» [30, с. 11].

Итак, как это видно из приведенных примеров, культовые сооружения табасаранцев и вайнахов обнаруживают сходство, как по месторасположению, конструктивным особенностям, так и по срокам проведения обрядов.

Таким образом, представленный материал о сохранившихся до нашего времени культовых сооружениях табасаранцев свидетельствует о том, что их традиционные религиозные верования имеют синкретический характер и обнаруживают смешение домонотеистических форм и ислама. Подобный синкретизм встречается в верованиях и других дагестанских народов [24, с. 69–74].

Литература

1. *Азизов Р.* Населенные пункты Табасарана: справочник. – Махачкала: Юпитер, 2002.
2. *Алборов Б.А.* Ингушское «Деалу» и осетинское «Даелаемон». – Владикавказ, 1930.
3. *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ал-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака ик» (XI–XII вв.). – М.: Вост. лит. РАН, 2003.
4. *Алимова Б.М.* Табасаранцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 1992.
5. *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. – М.: Мысль, 1970.
6. *Булатов А.О.* Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. – Махачкала, 1990.
7. *Гасанов М.Р.* Полевой материал, собранный в Табасаранском районе в 1966 г. к теме «История аулов» // Рук. фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 546.
8. *Гасанов М.Р.* История аулов Табасарана. 1966 г. // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 138.
9. *Гольдштейн А.* Башни в горах. – М., 1977.
10. *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 г. – Владикавказ, 1893. Вып. ??? Кн. 2.
11. Дагестанская АССР: Административно-территориальное деление / сост. Н.А. Алилов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1980.
12. *Дебиров П.М.* Элементы домусульманского времени в архитектуре табасаранских мечетей // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980–1981 гг. (тезисы докладов). – Махачкала, 1982.
13. *Дебиров П.М.* История орнамента Дагестана: Возникновение и развитие основных мотивов. – М.: Наука, 2001.
14. *Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А.* Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетейа, 2005.

15. *Закарияев З.Ш.* Средневековые памятники Чихтиля: в 3 кн. // Дагестанские святыни / сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов. Кн. 2. – Махачкала, 2008.
16. *Исрапилов М.И.* Наскальные рисунки Дагестана и изменения полюсов и наклона оси Земли в голоцене. – Махачкала: Юпитер, 2003.
17. История Дагестана с древнейших времен до наших дней / отв. ред. *А.И. Османов*. В 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 2004.
18. *Кудрявцев А.А.* Средневековый Дербент как религиозный центр Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. – Махачкала, 1986.
19. *Купер Дж.* Энциклопедия символов. – М., 1995.
20. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Кн. 2. – М., 1968.
21. *Ляпиров-Скобло М.С.* Культурные сооружения // Свод этнографических понятий и терминов: материальная культура. Вып. 3. – М.: Наука, 1989.
22. *Семенов Л.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1927 гг. – Владикавказ, 1928.
23. *Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф.* Памятники истории и культуры Табасарана. – Махачкала, 2003.
24. *Сефербеков Р.И., Алигаджиева З.А.* Мифологические персонажи годоберинцев: синкретизм традиционных верований и ислама // Исламоведение. – Махачкала, 2013. – № 4.
25. *Снесарев Г.П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. – М.: Наука, 1983.
26. *Токарев С.А.* Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983.
27. *Топоров В.Н.* Лестница // Мифы народов мира: энциклопедия; в 2 т. – 2-е изд. / гл. ред. *С.А. Токарев*. Т. 2. – М.: Российская энциклопедия, 1994.
28. *Ханбабаев К.М.* Ислам на Кавказе (середина VII – 1991 г.) // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: сборник научных трудов. Вып. 1. – Махачкала, 2003.
29. *Чурсин Г.Ф.* Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // Известия Кавказского историко-археологического института. Т. 5. – Тифлис, 1927.
30. *Шиллинг Е.* Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР: в 2 т. Т. 2. – М.–Л., 1931.
31. *Шихсаидов А.Р.* Распространение ислама в Южном Дагестане в X–XV вв. // Ученые записки Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 6. – Махачкала, 1959.
32. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. – Махачкала, 1969.
33. *Шихсаидов А.Р.* Надписи рассказывают. – Махачкала, 1969.
34. *Шихсаидов А.Р.* Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. – М., 2001.
35. *Шихсаидов А.Р.* Дагестан – феномен социально-экономического и этнополитического устройства и культурно-исторического развития // Дагестанские святыни: в 3 кн. / сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов. Кн. 1. – Махачкала, 2007.
36. *Яковлев Н.* Ингуши: популярный очерк. – М.–Л., 1925.

Поступила в редакцию 19.06.2014 г.